

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: МЕЖДУ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ

Э. Р. Халимбекова

Дагестанский государственный университет

Поступила в редакцию 8 декабря 2023 г.

Аннотация: Османская империя в XIX – начале XX в. постепенно интегрировалась в мировые экономические связи, оказывавшие большое влияние на развитие ее народного хозяйства. Необходимость модернизации и создания современных экономических и правовых институтов стала одним из факторов сохранения политической независимости Османской империи. Традиционализм, этатизм, религиозный фактор, наряду с особыми представлениями османов об экономической целесообразности, стали серьезным вызовом для перемен в стране. Иностранный капитал играл противоречивую роль в экономике империи. Он создавал предпосылки для модернизации страны и одновременно служил инструментом ее подчинения ведущими государствами Европы. Внутривластная и внешнеполитическая нестабильность тормозили модернизацию экономики Османской империи. Однако ее опыт сыграл важную роль в формировании экономической политики Турецкой республики в 20–30-е гг. XX в.

Ключевые слова: Османская империя, модернизация, танзимат, капитализм, иностранный капитал, индустриализация, традиционализм, внешняя торговля.

Abstract: *the Ottoman Empire in the 19th – early 20th centuries gradually integrated into the world economic relations, which had a great influence on the development of its national economy. The need for modernization and creation of modern economic and legal institutions became one of the factors of preserving the political independence of the Ottoman Empire. Traditionalism, statism, religious factor, along with the Ottomans' special ideas of economic expediency became a serious challenge to the changes in the country. Foreign capital played a contradictory role in the empire's economy. It created prerequisites for the modernization of the country and at the same time served as a tool for its subjugation by the leading European states. Internal and external political instability hindered the modernization of the Ottoman economy. However, its experience played an important role in shaping the economic policy of the Turkish Republic in the 1920s and 1930s.*

Key words: *Ottoman Empire, modernization, tanzimat, capitalism, foreign capital, industrialization, traditionalism, foreign trade.*

Традиционные принципы экономической политики, укоренившиеся в османском обществе, не создавали предпосылок для ее развития в XIX – начале XX в. Они не занимались поиском новых моделей развития и экономических альтернатив. Османы исходили из того, что «нельзя работать против того, что исходит из ранних времен» [1, р. 60]. Поэтому неслучайно, что на всем протяжении XVIII в. экономическое законодательство Османской империи оставалось неизменным.

XIX в. принес Османской империи большие проблемы. Войны с Ираном, Россией и Египтом обескровили страны, ее раздирали национализм и внутренняя смута. Неслучайно, что время правления султана Махмуда II (1808–1839 гг.) считается одним из самых сложных периодов в истории страны. По-

ловина государственного бюджета уходила на военные нужды. Экономика находилась в состоянии застоя. Все это требовало реформ, способных оживить экономическую жизнь в стране. Реформы периода танзимата улучшили ситуацию в стране, отчасти стабилизировали экономическое положение и привели к росту среднего класса среди христиан. Реформы в меньшей степени затронули мусульман. Либерализация экономического законодательства вела к усилению позиций европейских государств в Османской империи. В 1856 г. иностранцы получили право на вложение капитала в стране, в 1867 г. право на владение землей, наряду с другими привилегиями, полученными в 50-е гг. XIX в. [2, р. 36]. Реформы открывали определенные перспективы для экономического роста Османской империи, но у них не было долгосрочной перспективы. Порта стремилась только получить поддержку европейских держав и наполнить государственную казну [3, р. 697].

На всем протяжении исторического развития Османской империи государство и религия играли важную роль в ее экономике. Начиная с XV в. государство в Османской империи берет курс на укрепление централизации, в том числе усиливая контроль над экономикой. С самого создания империи возникает конфликт между центральной бюрократией и провинциальной аристократией за политическое и экономическое доминирование в государстве. Этот конфликт завершился в пользу центральной бюрократии, занимавшей лидирующие позиции в империи вплоть до XIX в.

Контроль над земельными ресурсами считался силой и могуществом государства. Государство брало под свой контроль большую часть земельных ресурсов, вводя систему тимаров, т. е. условного землевладения. Тимар позволял комплектовать армию, регулировал систему землевладения и фискальную политику. Правда, данная система получила распространение в основном в европейских владениях, Анатолии и Сирии, в арабских провинциях она практически отсутствовала [4, с. 7]. В период Танзимата земли бывших сипахов передавались в ведение государства. В 1839 г. военно-ленная система в стране полностью отменилась.

Уже с конца XVI в. в империи появился чифтлик – наследственное землевладение. Система, когда крестьяне-арендаторы зависели от помещика, выплачивая ему оброк и выполняя барщину за аренду земли. Крестьяне, как правило, имели собственный скот и орудия производства. Данная ситуация осложнялась тем, что большинство помещиков на Бакланах являлось мусульманами, а зависимые крестьяне христианами. Этот факт привел к острым социальным и этнорелигиозным конфликтам, что послужило одной из причин восстания сербов в 1801 г. и греков в 1821 г. [5, с. 28].

В отдаленных регионах империя не стремилась радикальным образом изменить существующие социальные и экономические институты, делая ставку только на получение от них необходимых налоговых поступлений. К таким регионам относились Западная Армения, Месопотамия, Аравийские владения, Египет, Северная Африка, Румынские княжества [6, р. 5]. Империя стремилась избежать социально-политических потрясений на окраинах, тем более в условиях нестабильности на внешних границах, идя на компромиссы с населением приграничных территорий. Она даже готова была смириться с существованием местных денежных единиц [Ibid., р. 12]. Кроме этого, у центральной бюрократии не было уверенности в обладании необходимыми ресурсами для проведения радикальных изменений в народном хозяйстве окраин, а самое главное – в их целесообразности.

Согласно традиционному исламскому праву вся земля принадлежит государству и передается частным лицам в пожизненное владение или наследуется только по мужской линии. Земельный кодекс 1858 г. подтверждал принадлежность всех пахотных земель государству (мири). В 50–60-е гг. XIX в. с целью определения размеров земельной собственности в стране проводилась ее кадастровая оценка. Однако во многих регионах она делалась формально. Устанавливались общие границы земельных угодий, без учета межевания земли между различными крестьянскими хозяйствами, что неоднократно приводило к конфликтам между ними, особенно в Сирии¹ и Палестине [7, р. 83]. К началу XX в. устанавливались некоторые новые правовые нормы. Земля передавалась в руки государства, если она не обрабатывалась в течение трех лет. Земля не передавалась юридическим лицам, за рядом исключений. Землю нельзя было продать без разрешения специальной комиссии. Нельзя было изъять землю, приобретенную в кредит, если она являлась единственным источником существования семьи. К наследованию земли допускались родственники до третьего поколения, в том числе по женской линии.

В начале XX в. шло дальнейшее уравнивание немусульман страны в правах, в том числе в экономической сфере. В январе 1902 г. был принят закон, согласно которому жители империи, как мусульмане, так и представители других конфессий, получили право беспрепятственно приобретать государственные и вакуфные земли, а также пахотные земли, принадлежащие другим собственникам, в том числе общинам. В случае если на этих землях уже находились земледельцы, то они имели преимущественное право на приобретение земли [8].

В 1913 г. в стране приняли закон, положивший начало кадастровой реформе по европейскому образцу. Предполагалось провести четкое межевание земельных участков с выдачей землевладельцам специальных документов, подтверждающих их право на владение землей. Одновременно были предприняты меры по регулированию владения недвижимым имуществом, вакуфными и государственными землями. Реформы должны были способствовать развитию капиталистических отношений в стране. Данная реформа открывала путь для введения частной собственности на землю в полном смысле слова. Однако начало Первой мировой войны помешало реализовать эту реформу в полной мере. В ряде регионов, в частности в Сирии, так и не приступили к ее осуществлению.

¹ Термин «Сирия» имеет узкую трактовку, включающую земли современной Сирии, и широкую трактовку, включающую территорию современной Сирии, Палестины, Ливана и бывшей Александретты.

С середины XIX в. правящие круги Османской империи осознали необходимость экономической модернизации страны и развития капиталистических отношений. Недостаток частной инициативы государство стремилось компенсировать собственными усилиями, делая ставку на развитие военной, горнодобывающей и текстильной промышленности. Оно стремилось с помощью налоговых льгот, субсидий поддержать собственную промышленность. Предприниматели нигде в Европе не зависели так от государства, как в Османской империи. Более того, даже в сравнении с другими азиатскими соседями этот контроль был значительно выше [9, р. 22].

Однако в этом случае скрывалась большая опасность. Излишняя регламентация деятельности, определение номенклатуры, выпускаемой продукции негативным образом сказывались на ее качестве и себестоимости. Большой проблемой для развития промышленности в стране являлись различные бюрократические препоны. Предприниматель зависел не только от местной, но и от центральной бюрократии [10, с. 37].

Деятельность ремесленников, купцов и ростовщиков традиционно регламентировалась и контролировалась государством. Ослабление государства с XVII в. не привело к усилению позиций в империи торгово-промышленного сословия, как это было в Европе. Поэтому они не могли диктовать государству свою волю. Правящие круги Османской империи рассматривали экономическую политику в контексте военных, административных, религиозных и фискальных факторов. Порта понимала важность торговцев в снабжении городов, армии, бюрократии и двора всем необходимым, важность поддержания сильной и развивающейся экономики, без чего нельзя было решить центральную задачу империи – сбор налогов в казну, от размера которых зависело ее благополучие. Стабильность народного хозяйства рассматривалась как баланс интересов между сельским хозяйством, ремесленным производством и торговлей, и этот баланс империя старалась поддерживать до самого своего конца [1, р. 60–61]. Однако в реальности баланс интересов не всегда можно было соблюсти, в том числе по вине государства. С одной стороны, понимая всю важность купцов в обеспечении городов всем необходимым и их роль в местном самоуправлении, оно не предпринимало реальных шагов по защите интересов купечества. Осознавая необходимость ростовщиков для нормального функционирования народного хозяйства, государство не раз делало шаги, идущие в разрез с интересами данной корпорации и т. д.

Слабость предпринимательского сословия вела к недостатку капитала в стране, без чего не могло развиваться производство [2, р. 29]. Уже в XVIII в. тор-

говцы и производители хлопка, ниток, леса, железа облагались различными поборами. С 70-х гг. XVIII в. государство возложило на промышленников дополнительные обязанности, связанные с вооружением и содержанием армии, их заставляли предоставлять государству кредиты на невыгодных условиях, при сомнительности получения денег обратно. С 1770 по 1810 г. в условиях катастрофического положения в государственных финансах Порты пошла на конфискацию наследственного имущества у крупных собственников [1, р. 66]. Данный фактор самым негативным образом сказывался на перспективах экономического развития страны. Деньги уходили не в производство, а в приобретение недвижимости или «лежали мертвым грузом», так они были в большей сохранности. В то же время государство не трогало местное ремесленное производство в провинции, считая его основой османского общества.

После объявления банкротства страны в 1875 г. и неудачного завершения войны с Россией Порты поняла необходимость радикального изменения экономического курса. Первоначально шла речь о централизации сбора налогов и наведения в этой сфере порядка, так как внешние кредиты существенно подорожали [11]. Необходимо было не повышать налоги и не вводить новые, а обратить внимание на рост уровня жизни населения и обеспечение экономического роста. Реализация данных мер могла увеличить налоговые поступления и существенным образом улучшить финансовое положение Османской империи [12, р. 105]. От успешности проведения реформ зависела политическая независимость страны.

Важным элементом новой политики стала реформа имущественного законодательства. В апреле 1878 г. Порты предприняла попытку навести порядок с наследованием имущества. Серьезные правовые проблемы привели к массе злоупотреблений в этой сфере. Нередко предполагаемые наследники теряли имущество родителей, и оно уходило другим лицам в результате различных махинаций или передавалось государству. Циркуляр 1878 г. четко регулировал процесс составления завещаний как мусульманами, так и немусульманами. В случае с немусульманами свидетелями составления завещания должны были непременно выступать высшие духовные лица и представители общины, являвшиеся авторитетами для местного населения, например старейшины деревни [13, р. 325–326].

Другой важной вехой стало реформирование судебной системы, в том числе в сфере регулирования торгово-предпринимательской деятельности. Вплоть до Первой мировой войны в законодательстве Османской империи царил полный хаос в предпринимательском праве, что существенно затрудняло развитие в

стране промышленности и торговли [14, р. 40, 48]. В частности, в юридическую практику почти не вошло такое понятие, как юридическое лицо, или оно существенно искажалось. Деятельность судов в Османской империи вызывала большие нарекания. Внешняя европеизация судебной системы не привела к европеизации судей, в большинстве случаев исповедовавших традиционные подходы к проведению судебных разбирательств [15, с. 148]. Формальное равенство христиан и мусульман перед законом постоянно нарушалось.

Процесс модернизации страны в 70–90-е гг. XIX в. затруднялся чрезмерной зависимостью страны от государств Европы и консерватизмом значительной части населения. Все промышленное оборудование поступало из Европы, отсюда приходила значительная часть инженеров и других специалистов, жители страны пополняли ряды рабочего класса и частично инженерно-технических специалистов. Мусульманская часть населения империи отрицательно относилась к производственному процессу на промышленных предприятиях и производственной дисциплине [16, с. 124]. Традиционно востримая в качестве достойного рода занятия сельское хозяйство, ремесло и торговлю, в городах мусульмане составляли костяк корпорации ремесленников. Их неприязнь к промышленному производству определялась и острой конкуренцией с фабрично-заводской продукцией, которую они все чаще не выдерживали. Даже султан Абдул-Гамид II до конца своей жизни сохранял недоверие к электричеству, подчеркивая свой консерватизм [17, с. 127]. Поэтому он противился предоставлению концессии на электрификацию Стамбула одной из германских фирм в 1897 г. В результате капитал, технологии и производственный опыт концентрировались в значительной степени в европейской части страны, главным образом среди христиан и евреев, где в большей части проявлялось культурное влияние Европы.

Большим тормозом для развития современного производства в Османской империи являлась фискальная политика, особенно после попадания страны в кабальную зависимость от западных государств [18, р. 128–132]. Второй высшей задачей экономики османов после поддержания стабильного внутреннего спроса являлось повышение доходов казны, и каждый следующий год по доходности не должен был уступать предыдущему [1, р. 60]. Доходы казны медленно росли вместе с ее экономикой. Такой подход не носил гибкий характер.

Сильным препятствием для развития экономики стал провизионизм. Порты стремились поддерживать на внутреннем рынке стабильное предложение товаров и услуг, чтобы не возникал их дефицит. Все товары и услуги должны были быть качественными,

дешевыми и доступными широким слоям населения. Экспорт разрешался только в том случае, если местный рынок был полностью заполнен товаром. В случае возникновения проблем на внутреннем рынке экспорт полностью прекращался. Государство внимательно следило за равновесием на потребительском рынке. Поэтому правящий класс очень осторожно относился к любым нововведениям, боясь разрушить систему экономического равновесия. В первую очередь империя заботилась о снабжении всем необходимым столицы, армии и крупных городов [19, р. 22].

Внешне хорошая теория начала приводить к существенным перекосам в экономике страны. Она стимулировала импорт товаров и не создавала предпосылок для их экспорта. Для импорта товаров создавались различные налоговые и тарифные льготы. В росте импорта правящие круги страны не видели ничего предусмотрительного. В Османской империи не проводилась политика импортозамещения [2, р. 30]. Протекционистская политика рассматривалась в Османской империи как мера, способная нанести только вред государству и негативно сказаться на росте потребления населения. Поэтому производителям было трудно конкурировать с импортными товарами. Так, уже в XVIII в. более половины прибыльного рынка шерстяных тканей и пряжи контролировали иностранцы. Рост импорта вел к падению цен, потребители выигрывали от этого процесса, но производители несли большие убытки и разорялись.

Следовательно, османская бюрократия полагала, что импорт ведет к стабилизации ситуации на внутреннем рынке и способствует развитию ремесленного производства, заставляя его учиться конкурировать с европейцами. Они знали о политике меркантилизма и ее проведении государствами Европы. Отдельные государственные деятели империи в XVIII в. подчеркивали важность использования принципов меркантилизма в проведении внешнеэкономической политики Османской империи с целью накопления капитала. Одновременно звучали призывы о необходимости приобретать местные товары, особенно призывая к этому мусульман. Такие начинания не нашли поддержки и не получили развития.

Однако центральная бюрократия исходила из своих приоритетов [9, р. 30]: необходимости реализации принципа поддержания общественного порядка, а чрезмерное развитие экспорта и местных рынков могло привести к дестабилизации ситуации в стране. В результате благая цель – приобщение к достижениям капитализма – обернулась для империи колоссальными издержками, приведшими к серьезному экономическому кризису.

Порочность принципов экономической политики Османской империи в XVIII–XIX вв. особенно проявлялась в промышленности. Поэтому произведе-

ли переходили к мелкому хозяйству или переносили свою деятельность на окраины империи, где контроль государства оставался слабым. В сравнении с промышленностью сельское хозяйство было более успешным сектором народного хозяйства. Однако доминирование традиционализма мешало внедрению передовых методов ведения хозяйства и повышению его товарности. Кроме этого, успешному развитию аграрного сектора мешали экспортные ограничения, а внутренний рынок не мог являться единственным источником роста [2, р. 31].

Наиболее развитыми в экономическом отношении являлись европейские вилайеты Османской империи, Стамбул, Эдирне, Салоники, Смирна, восточное побережье Эгейского моря, где проживало греческое население, Ливан, отдельные районы Сирии и Палестины. Малая Азия в этом отношении серьезно отставала от европейской части страны, не говоря уже о владениях империи на Ближнем Востоке и Аравии. Однако и европейские территории империи развивались неравномерно. К отсталым районам относился Косовский вилайет, находившийся на удалении от железных дорог и постоянно страдавший от разгула бандитизма [20, с. 34]. Строительство железных дорог, способствуя развитию экономики прилегающих к ним районов, приводило к деградации территорий, оказавшихся на удалении от коммуникаций, но ранее игравших важную роль в народном хозяйстве империи, как это произошло с районами между Призреном и Скутари (Шкодер) после строительства железнодорожной ветки между Митровицей и Салониками.

К началу XX в. народное хозяйство Османской империи находилось в сложном положении. С 1873 по 1896 г. отмечалось замедление темпов роста экономики. В международном разделении труда империя занимала скромные позиции. Мировой сельскохозяйственный кризис в последней трети XIX в. нанес сильный удар по сельскому хозяйству страны и ее внешней торговле. Несмотря на индустриализацию, значение аграрного сектора в структуре производства и экспорта не уменьшалось. Ремесленное производство, одна из основ народного хозяйства страны, находилось в состоянии депрессии, столкнувшись с острой конкуренцией с европейскими производителями. В финансовой сфере империя потеряла самостоятельность.

В начале XX в. у правительства Османской империи не было четкой экономической политики, тем более стратегии развития народного хозяйства страны. Оно решало сиюминутные проблемы, фактически проводя политику «латания дырок». Младотурецкая революция 1908 г. привела к власти националистические круги, делавшие ставку на развитие «национальной экономики», в том числе турецкой буржуазии. Национальный (турецкий) капитал рассматри-

вался как стратегический фактор развития экономики Османской империи [21, р. 313–314]. Правительство поощряло создание акционерных обществ и других компаний предпринимателями и чиновниками турецкого происхождения. Следовательно, идеология тюркизма начала проникать в экономику страны. Правда, данный процесс только начал проявляться и со всей очевидностью приобрел актуальность в годы Первой мировой войны. Попытки правительства младотурков ослабить зависимость от иностранцев не всегда находили понимание среди местной деловой элиты. Компрадорская буржуазия опасалась потери своих доходов и привилегий в случае ухудшения отношений страны с государствами Европы, не признававшими многие новшества младотурок [22, с. 93].

Темой отдельного внимания является роль иностранного капитала в экономическом развитии страны. С 50-х гг. XIX в. в Османскую империю активно проникали иностранные инвестиции, наибольший интерес для иностранцев представляли вложения в государственный долг страны. Зарубежные инвестиции в государственные долговые бумаги Османской империи с 1881 по 1914 г. выросли на 108 %. В 1854–1875 гг. они приобрели ценных бумаг Османской империи на 4,7 млн фунтов, в то время как прямые инвестиции составили всего 600 тыс. фунтов. В 1880–1898 гг. ситуация несколько изменилась, в государственный долг было вложено 900 млн фунтов, а в народное хозяйство страны в виде прямых инвестиций 2,8 млн фунтов. В 1899–1913 гг. в государственный долг ушло 2,7 млн фунтов, а в прямые инвестиции – 1,45 млн фунтов [9, р. 132].

Прямые инвестиции зарубежных банков, частных лиц и компаний в империю начали появляться с 60-х гг. XIX в. Они незначительно увеличивались к 80-м гг. XIX в. [23, р. 18]. Затем зарубежные прямые инвестиции начали более динамично проникать в экономику страны. С 1881 по 1914 г. зарубежные инвестиции в реальный сектор экономики увечились в 5,8 раза [24]. Больше всего иностранные инвесторы вкладывали средства в строительство железных дорог (53,3 млн лир), банковское дело и страхование (8,2 млн лир), промышленность (10,1 млн лир), в том числе в горнодобывающую (3,6 млн лир), коммунальное хозяйство (5,7 млн лир), модернизацию и строительство портов (4,7 млн лир) [25, с. 122]. Зарубежный капитал активно проникал в следующие отрасли промышленности: производство оливкового и хлопкового масла, сухофруктов, табака, ковров, шелка-сырца, первичную обработку хлопка.

Первоначально ведущими зарубежными инвесторами Османской империи являлись Великобритания, Франция, Австро-Венгрия. Накануне Первой мировой войны 44 % (2 млн 240 тыс. франков) зарубежных

инвестиций принадлежало Франции, 34 % (1 млн 280 тыс. франков) Германии, 17 % (750 млн франков) Великобритании [26, р. 31]. К началу войны объем прямых инвестиций в Османской империи достиг 75 млн фунтов [2, р. 75].

Французский капитал доминировал в банковской системе страны. Ему принадлежало 59 % банковских активов, в то время как Германии 22 %, а Великобритании 6,8 % [15]. Французские инвесторы вкладывались в строительство железных дорог в Османской империи, в том числе действуя совместно с германским капиталом. Так, «Банк де Пари э де Пэйн Ба» совместно с «Дойче банком» выделили кредит на 260 млн франков под 5 % на развитие железнодорожной системы Османской империи и Болгарии [27, с. 43]. За полученные кредиты Порты согласилась передать в качестве гарантии табачную монополию «Имперскому Оттоманскому банку», который управлял ею через специально созданную компанию «Реже компани». Французские инвесторы получили право на строительство железнодорожной ветки Яффа – Иерусалим, открывшейся в 1892 г. В том же году она получила право на строительство железнодорожной ветки Дамаск – Бейрут, а в 1898 г. французская компания «Виталисс» – право на строительство всех железнодорожных веток в Сирии, Палестине и Ливане [28, с. 35]. Французские инвесторы проявляли большой интерес к текстильной и пищевой промышленности страны. Они взяли под контроль 75 % производства табака и производства шелка-сырца в стране, в 1891 г. приобрели крупнейшее месторождение битума в Семенце (Албании) и ряд других месторождений, в результате к началу Первой мировой войны контролировали 76,5 % добывающей промышленности страны (для сравнения германские – 22 %, британские – 6,8 %) [22, с. 423].

Особенно впечатляющие темпы демонстрировал рост германских инвестиций в экономику страны. В 1904 г. они составляли около 200 млн марок, а в 1913 г. превысили 1,2 млрд марок, из них 722 млн марок было вложено в государственный долг Османской империи и 520 млн составили прямые инвестиции. Самые большие вложения германские инвесторы сделали в строительство железных дорог (368 млн марок) [29, с. 272–273]. Германские инвесторы совместно с британскими взяли под контроль производство хлопка-сырца. В электрификации городов страны большую роль играл концерн «Сименс и Гальске». Однако ресурсы Германии для дальнейшего наступления в Османской империи оказались ограниченными. Сказывались сложная ситуация на финансовом рынке Германии и противодействие политике Берлина в стране со стороны Франции. Париж имел более значительные ресурсы для вложения в экономику Османской империи.

Первоначально британские инвесторы контролировали прибыльное производство ковров в Восточной Анатолии. Близость портов и значительное количество рабочей силы заставили британцев активно развивать ковроткачество и в Западной Анатолии. Они в конце XIX в. господствовали в текстильной промышленности Османской империи, пока их не потеснили бельгийцы. Британские инвесторы в значительной степени контролировали внешнюю торговлю страны. Кроме этого, в Смирне, Адане, Фракии они совместно с местными землевладельцами и торговцами создавали большие сельскохозяйственные комплексы, где выращивались хлопок, табак, зерновые культуры, инжир и другое для экспорта. Британцы практиковали как использование труда наемных рабочих, так и труд арендаторов и издольщиков. Данные предприятия активно использовали современную сельскохозяйственную технику и технологии [30, р. 120–121].

Бельгийские инвесторы вкладывали средства в развитие производства сахара, хлопчатобумажных тканей, одежды, спичек, переработку кожи, модернизацию горнодобывающей промышленности, строительство трамвайных линий в городах империи. Первым примером такого вида деятельности стало создание на деньги бельгийского капитала трамвайного сообщения в Салониках [25, с. 408]. Бельгийские инвесторы приложили усилия к созданию трамвайного сообщения в столице империи. Бельгия осуществляла поставку трамвайных вагонов в Стамбул. Бельгийских инвесторов активно поддерживала Порты к большому раздражению британцев, французов и немцев. Бельгия, в отличие от своих партнеров, среди ведущих государств Европы, как правило, не выдвигала политических требований к Османской империи и не претендовала в будущем на свою долю в случае раздела страны. Поэтому в Стамбуле на продвижение бельгийского капитала смотрели положительно даже младотурки. Правда, часто бельгийские инвесторы прибегали к помощи французских банков и действовали с ними совместно, кстати, как и в России [31, с. 66].

В качестве инвесторов в Османской империи присутствовали и другие европейские государства. Однако их доля не была столь внушительной. Австро-Венгрия традиционно принимала участие в строительстве железных дорог в империи и создании банков. В 1911 г. известная на весь мир венгерская электротехническая компания «Ganz Anonim Elektriik» получила концессию на электрификацию стамбульских трамваев. Следует признать, что она являлась одним из лидеров электротехнической промышленности Европы.

Итальянские инвесторы проявляли большой интерес к Албании. В Италии давно смотрели на нее

как возможный объект не только экономической экспансии, но и возможную колонию страны в будущем. Итальянские компании долгое время в Албании не могли на равных конкурировать с компаниями из Австро-Венгрии. Однако с конца XIX в. ситуация начала меняться для Рима в лучшую сторону. Итальянцы через подставных лиц получили концессию на разработку крупного месторождения меди около Шкодера. Особенно активно итальянцы действовали в Южной Албании. Они вкладывали средства в сыроварни, мельницы, в производство оливкового масла. Более того, итальянцы создавали представительства своих банков в Албании и брали под контроль морские перевозки в Адриатике [10, с. 33].

Экономическая деятельность иностранцев на территории Османской империи была невозможна по причине непредоставления существенных прав на территории империи. В частности, в июне 1868 г. был принят закон, представляющий иностранцам право на владение недвижимым имуществом в империи. Никто не имел права войти в помещение без разрешения хозяина-иностранца, представители властей могли войти в его помещение только в присутствии консула [32, р. 341]. Иностранцы проживали в особых городских кварталах городов Османской империи (например, Стамбул и Смирна), фактически находясь вне ее юрисдикции. Права иностранцев трепетно охранялись их государствами даже в ущерб интересам Османской империи.

Таким образом, традиционализм и этатизм определяли развитие экономики Османской империи на всем протяжении ее истории, в том числе в XIX – начале XX в. Стабильность потребительского ранга и недопущения резкого снижения уровня жизни населения в стране, наряду с обеспечением нужд двора, армии и высшей бюрократии являлись основной экономической стратегией Порты. Важным принципом, влияющим на развитие народного хозяйства империи, стал религиозный фактор. Ислам критически относился к капитализму и модернизационным процессам в обществе. Поэтому долгое время основу новой экономической элиты страны составляли христиане и иностранцы. В последней трети XIX – начале XX в. экономика Османской империи развивалась под воздействием уникального синтеза традиционализма, модернизма, поликультурности империи и ее неустойчивого внешнеполитического положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Genc M.* Yuzyilda Osmanli Ekonomisi ve Savas / M. Genc // Yapit. – 1984. – № 4. – P. 52–61.
2. *Duranoglu E.* Economic Reasons Behind the Decline of the Ottoman Empire / E. Duranoglu, G. Okutucu. – Bergen : Fall, 2009. – 93 p.
3. *Hubbard G. R.* Economics / G. R. Hubbard, P. A. O'Brian. – Prentice Hall, 2008. – 1166 p.
4. *Сейранян Б. Г.* Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX – 60-е гг. XX вв / Б. Г. Сейранян. – М. : ИВ РАН, 2018. – 408 с.
5. *Кудрявцева Е. П.* Русско-греческий политические и церковные связи в 20–30-х гг. XIX в. / Е. П. Кудрявцева // Вестник МГИМО-университета. – 2020. – № 13. – С. 26–40.
6. *Pamuk S.* Osmanli Ekonomisi ve Kurumlari / S. Pamuk. – Istanbul : Turkiye Is Bankasi Kultur Yayinlari, 2007. – 211 p.
7. *Руппин А.* Современная Сирия и Палестина / А. Руппин. – Пг. : Кадима, 1919. – 356 с.
8. *Droit profriété immobilière des Non-mysulmans (22.01.1902/7.03.1904) / Corps de droit ottoman; recueil des codes, lois, règlements, ordonnances et actes les plus importants du droit intérieur, et d'études sur le droit coutumier de l'Empire ottoman.* By Young George. V. 1. – Oxford : The Clarendon Press, 1905. – P. 345.
9. *Pamuk S.* Osmanlidan Cumhuriyete Kuresellesme, Iktisat Politikolari ve Buyume / S. Pamuk. – Istanbul : Turkiye Is Bankasi Kultur Yayinlari, 2008. – 364 p.
10. *Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке / Н. Д. Смирнова. – М. : Наука, 2003. – 431 с.
11. *Times.* – 1880. – 12 Dec.
12. *Owen R.* The Middle East in the World Economy, 1800–1914 / R. Owen. – London ; N. Y. : Methuen, 2002. – 378 p.
13. *Ciroculart du Ministeré des La Justice. 17.04.1878 / Corps de droit ottoman; recueil des codes, lois, règlements, ordonnances et actes les plus importants du droit intérieur, et d'études sur le droit coutumier de l'Empire ottoman.* By Young George. V. 1. – Oxford : The Clarendon Press, 1905. – P. 325–326.
14. *Toprak Z.* Turkiye'de «milli iktisat» (1908–1918) / Z. Toprak. – Ankara : Yurt Yayinlari, 1982. – 464 p.
15. *Гирс А. А.* Россия и Ближний Восток. Материалы из наших отношений с Турцией / А. А. Гирс. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1906. – 218 с.
16. *Инджикинян О. Г.* Буржуазия Османской империи / О. Г. Инджикинян. – Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1977. – 313 с.
17. *Бюлов Б.* Воспоминания / Б. Бюлов. – М. ; Л. : Социально-экономическое издательство, 1935. – 563 с.
18. *Quataert D.* The Ottoman Empire, 1700–1922 / D. Quataert. – Cambridge University Press, 2000. – 238 p.
19. *Essays on markets, prices, and consumption in the Ottoman Empire (late-seventeenth to mid-nineteenth centuries) / by C. Pinar // A thesis submitted to the Department of Economic History of the London School of Economics for the degree of Doctor of Philosophy London, December 2016. – 311 p.*
20. *Тухолка С.* Призренский и Ипекский санджаки. Донесение вице-консула в Призрене / С. Тухолка // Сборник консульских донесений за 1905. Вып. I. – СПб. : Товарищество художественной печати, 1905. – С. 34–41.

21. *Eldem V.* Osmanlı İmparatorluğu'nun iktisadi şartları hakkında bir tetkik / V. Eldem. – Ankara : Sayfa Sayısı, 1994. – 258.
22. *Киреев Н. Г.* История Турции XX век / Н. Г. Киреев. – М. : Крафт+ИВ РАН, 2007. – 608 с.
23. *Quataert D.* Social Disintegration and Popular Resistance in the Ottoman Empire (1881–1908) / D. Quataert. – New York : State University of New York Press, 1987. – 229 p.
24. *Сертчелик С.* Банковский сектор Османской империи в XIX – начале XX вв. Роль и интересы в нем европейских государств и России / С. Сертчелик // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 1. – URL: <http://www.mecconomy.ru/art.php?nArtId=1848> (дата обращения: 25.05.2023).
25. *Крюкова А. А.* Экономическое положение Османской империи накануне Первой мировой войны / А. А. Крюкова, А. П. Левчук // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 121–126.
26. *Ahmad F.* The Late Ottoman Empire / F. Ahmad // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. – London: Frank Cass, 1996. – P. 5–31.
27. *Шеремет В. И.* Османская империя в международных отношениях на Балканах / В. И. Шеремет // В «пороховом погребѣ» Европы. 1878–1914 гг. – М. : Индрик, 2003. – С. 30–54.
28. *Шаповалова М. С.* Банки Палестины в начале XX в. По донесениям Императорского российского генерального консула консульства в Иерусалиме А. Ф. Круглова / М. С. Шаповалова // Восточный архив. – 2025. – № 1. – С. 34–38.
29. *Туполев Б. М.* Германская политика на Балканах накануне Первой мировой войны / Б. М. Туполев // В «пороховом погребѣ Европы». 1878–1914 гг. – М. : Индрик, 2003. – С. 265–297.
30. *Kurmuş O.* Emperyalizmin Türkiye'ye Girişi / O. Kurmuş. – Istanbul : Şaylan, 1974. – 361 p.
31. *Гишар Ж.-П.* Конец русско-французского капитализма / Ж.-П. Гишар // Concode. – 2021. – № 2. – С. 59–71.
32. En vertu duquel les étrangers peuvent être admis à la jomssanoe du droit de propriété (9.06.1868) / Corps de droit ottoman; recueil des codes, lois, règlements, ordonnances et actes les plus importants du droit intérieur, et d'études sur le droit coutumier de l'Empire ottoman. By Young George. V. 1. – Oxford : The Clarendon Press, 1905. – P. 341–345.

Дагестанский государственный университет
Халимбекова Э. Р., преподаватель кафедры востоковедения
E-mail: elmira_khalimbekova@mail.ru

Dagestan State University
Khalimbekova E. R., Lecturer of the Department of Oriental Studies
E-mail: elmira_khalimbekova@mail.ru